

ВВЕДЕНИЕ В ЧТЕНИЕ СЕМИНАРА V ЖАКА ЛАКАНА

ДАНИЭЛЬ РУА*

По случаю семинаров, организованных в декабре 2002 и апреле 2003гг. в Москве Фондом Фрейдова Поля (la Fondation du Champ freudien), и в присутствии президента Фонда г-жи Жудит Миллер (Judith Miller), д-р Даниэль Руа представил два доклада, являющихся введением в чтение Семинара V Жака Лакана «Образования бессознательного» («Les formations de l'inconscient»). Доклады основаны на двух частях упомянутого семинара: «Логика кастрации» («La logique de la castration») и «Значение фаллоса» («La signifiante du phallus»). Они обсуждались с коллегами и студентами из Москвы и Санкт-Петербурга, представившими свои комментарии, а также клинические случаи.

Часть I. «Эдип в Москве»

Два лика Эдипа

Есть два Эдипа. Один Эдип из трагедии Софокла – тиран, воцарившийся на троне в Фивах и на ложе королевы, искатель истины во имя всеобщего блага, надзирающий за происходящим в городе и наслаждающийся своим богатством. Вскоре он откроет, что является исполнителем главной роли пишущейся истории, но отнюдь не той роли, что мог себе помыслить, – он откроет другого Эдипа, бредущего по дорогам Греции, низвергнутого в мир могуществом богов. Это уже не Эдип-триумфатор, но Эдип-отброс, каким он и был от начала своего прихода в мир, будучи брошенным родителями в горах на съедение диким животным, и каким вновь стал с той минуты, как некий человек при дворе царя и царицы Коринфа, считавшихся родителями Эдипа, признал в нем «незаконнорожденного». Этот Эдип покинет Дельфы как внушающий священный ужас объект, узнав о предсказанной ему оракулом Аполлона зловещей участи: предначертано, что он убьет своего отца и разделит ложе собственной матери. И это тот самый Эдип, которого мы встретим слепым, по выражению Лакана – «неизлечимым», ведóмым своей, рожденной от инцеста, дочерью Антигоной, до самого Колонна, что возле Афин, где он и исчезнет в чреве земли.

Каждая из этих двух столь не совместимых фигур имеет собственное лицо, соотносящееся с конечными «пунктами» психоаналитического опыта.

* Даниэль Руа (Daniel Roy) – д-р, психиатр, психоаналитик (Франция, Бордо), член Школы Фрейдова Дела (l'Ecole de la Cause freudienne) и Всемирной Психоаналитической Ассоциации (l'Association Mondiale de Psychanalyse).

Эдип-царь – субъект, каким он предстает сам себе в ходе психоанализа: симптом возник, подобно чуме в Фивах, чтобы создать трудности в совершенном устройстве его личности, в устройстве его Я – человека, восседающего на троне и считающего себя вправе наслаждаться всеми данными ему благами. Конечно, хочется, чтобы все анализируемые были смелы, как Эдип, бросившийся, очертя голову, на поиски правды, однако не будем забывать, что Эдип представляет собой настоящий образчик успешного в жизни мужчины. Но он перестает быть таковым, хотя и смело противопоставляет себя людской толпе, преследующей (и, в конце концов, убивающей) его; противопоставляет себя сфинксу с его замысловатыми вопросами и женщине, королеве, а также берет на себя ответственность за свой город. И одновременно со всем перечисленным это образчик человека, который вскоре предстанет погрязшим в заблуждениях.

«Эдип-отброс» говорит правду об Эдипе-царе, – правду, которую анализируемому предстоит о себе открыть. Он говорит то, что, собственно, и провозгласил оракул, а именно, что анализируемый не властен над означающими, и речь – это вовсе не средство передачи мыслей и чувств, как он полагал прежде. Так что же на самом деле говорит оракул Эдипу? Что тот убьет своего отца и возляжет на ложе матери... Тем самым Аполлон, бог, с помощью оракула вводит в мир нечто такое, что находится вне закона, противно закону людей. Здесь боги, подобно сновидениям, призваны напоминать людям: мир не весь втиснут в рамки законов, в нем содержится еще и «внезаконье». Как скажет Лакан, «реальное существует без закона», и означающее, когда оно вторгается, отмечает это для нас. Посему следует хорошо подумать, прежде чем рубить цепи и выпускать могущество какого-либо означающего в речи. Во всем не очевидно, что всему следует давать слово. Лечение речью не безвредно, оно не всегда влияет благотворно, поскольку способствует появлению на сцене Эдипа проклятого, отверженного, всеми оставленного. И ни один субъект не захотел бы, да и вряд ли смог, узнать себя в таком Эдипе, – не только по причине нехватки смелости (удела каждого невротика), а потому, что многим уже и так, без всяких размышлений, довелось столкнуться в самом себе с сущностью «Эдипа-отброса». И для них речь идет, скорее, о воссоздании в жизни хотя бы маленького уголка, где еще таилась бы загадка, куда могут придти иллюзии, прикрывая собой реальное.

Вполне возможно, что в начале построения своих учений и Фрейд, и Лакан думали об отце как фигуре, обладающей властью и способной привнести в мир закона гнусность внезаконья или, по крайней мере, устанавливать его границы. Это очень важно, поскольку подобным образом возникает фигура отца, создающего закон, во всяком случае, произносящего слово закона или закон провозглашающего. Данные позиции не эквивалентны, но обе утверждают отца на незаконно занимаемом месте. Не менее важны они и

для ведения анализа. Лакан на основе сказанного придет к тому, чтобы переместить отца, дабы вернуть подобающее ему место «пограничного столба» между символическим и реальным, близкое позиции Дельфийского Оракула, который, как говорит Гераклит, «не разоблачает и не скрывает, но уведомляет».

Нет Эдипа без кастрации

Неумолимо возникает вопрос: как стало возможным, что этот самый Эдип, погрузивший нас в глубины человеческого бытия и самую суть психоаналитического опыта, оказался у истоков третьесортной психологии, распространяемой одновременно как усилиями самых ученых университетов, так и по причине самой плоской вульгаризации?

Почему несчастный Эдип стал жертвой такой судьбы, еще более ужасной, чем исчезновение в недрах земли Колонны?

Ответ известен: это сам Фрейд сверг Эдипа с его собственного места в мифе и трагедии, места, находясь на котором, стало возможно затронуть душу каждого, но лишь за счет переживания катарсиса. Фрейд ввел Эдипа в поле науки и превратил его мифическую и трагическую историю в мировой порядок, обладающий ценностью для каждого. Именно это он и назвал «Эдиповым комплексом». Мне неизвестно точное определение, которое мог бы дать Фрейд термину «комплекс», встречаемому нами во многих местах. Например, в 1906 году он пишет: «Комплексом является содержимое представлений, связанных благодаря ассоциации», а в 1910г. – «Мы называем комплексом некую ткань репрезентаций вместе со связанным с ними аффектом», в то время как в 1911г. он считает комплексы «дирижерами, определяющими наше поведение в мире».

Комплекс для Фрейда является неким, благодаря установленным правилам, логическим образом связанным ансамблем означающих, группирующихся вокруг одного или нескольких загадочных значений, которые появились на свет в ходе работы Фрейда с первыми пациентами и в ходе личного самоанализа. Так, для Эдипова комплекса эти значения будут иметь отношение к супружеству и родственным связям. Но для Фрейда комплекс не является, прежде всего, разрешением той или иной психологической проблемы: что такое отец, что такое мать, как с ними обходиться? Комплекс имеет значение лишь благодаря тому, что он выступает конденсатором либидо, фиксатором заполняющего субъект наслаждения, с которым тот не знает, как поступить. Кроме того, универсальное значение Эдипова комплекса будет смещено Фрейдом на обнаруженный благодаря высказываниям пациентов факт его постоянной связи со значением кастрации, перенесенной субъектом потери чего-то наиболее драгоценного для бытия. Отныне охота за универсальностью запрета на инцест во всех культурах перестает быть целью, – психоаналитики спокойно могут уступить это занятие ан-

тропологам. Наиболее важное, приобретшее значение некоего универсального закона, заключается отныне в корреляции между функциями отца, матери и либидинальной потерей.

Нет Эдипа без кастрации – собственно, здесь-то мы и обнаруживаем вновь Эдипа как героя трагедии! Это заставляет нас обратить внимание на ряд моментов:

– когда Эдип в данном контексте выходит на авансцену, то это происходит в воображаемом плане, фигуры отца и матери, выступающие как статисты, тут же занимают свое место, чтобы помешать любой реализации кастрации со стороны субъекта: это вина кого-то другого, если субъект страдает от переизбытка или недостатка наслаждения;

– нет кастрации без Эдипа, без воплощения функций отца и матери;

– происходит некое смещение функции отца: она заключается не в наложении запрета на мать, но в том, чтобы быть агентом кастрации; он перестает быть всего лишь отцом, говорящим «нет», но становится также и отцом, говорящим «да» потере.

Кроме того, будет не лишним напомнить, что понятие Эдипова комплекса первоначально не возникает в контексте, к которому оно затем будет неизбежно стремиться, а именно в контексте развития ребенка. Оно возникает, главным образом, в связи с выбором объекта любви у мужчины, фантазмов, определяющих условия этой любви, что представлено в тексте «Об особом типе выбора объекта у мужчины», относящемся к 1910 году (Фрейд, 1991). О чем здесь речь? Если она только о мужчине, испытывающем затруднения перед лицом женщины, то он, скорее, будет следовать решениям, полученным в период пубертата, нежели сталкиваться с имеющими место в настоящем неудовлетворенностями.

Но каким образом возникает для субъекта значение кастрации? Как оно вводится вновь?

Каким образом субъект, будучи мужчиной или женщиной, усвоит себе «те навязанные ему условия, как если бы они были созданы для него, и будет в дальнейшем удовлетворяться оными?»

Для ответа на этот вопрос, Лакан, в главах 8-13 Семинара V «Образования бессознательного», движется маршрутом, ведущим его от трагедии Эдипа к комедии фаллоса.

Это маршрут, по которому следует лечение (а вовсе не нормальное развитие). Он проистекает от сформулированного в Другом этического вопроса: «Действовал ли ты согласно своему желанию?». Данный вопрос задается, начиная с того момента, когда был высказан закон означающего, чтобы двигаться в направлении исследования, предполагающего, согласно Лакану,

«субстанцию и материю» (*Lacan, 1998, p.262*)*: а ты, чем ты наслаждаешься? В чем твое наслаждение? Куда оно тебя ведет?

Таков маршрут, по которому следуют главы, названные Ж.-А. Миллером «Логика кастрации».

В этих главах Лакан выдвигает следующее положение: логика кастрации определяется законами означающего и вызывает эффект потери и приобретения, вынуждая субъекта взять на себя ответственность за свое наслаждение, используя при этом в качестве инструментов полученные от Другого идентификационные знаки отличия. Наша отправная точка, таким образом, в том, чтобы определить, какие законы управляют означающим.

Законы означающего

Именно означающие создают закон, о чем свидетельствует психоаналитический опыт. Слова, экспрессия, рисунки пациента принимаются не как образы, которые могли бы входить в резонанс с образами терапевта или с огромной мировой библиотекой образов (архетипами), но воспринимаются как чистые означающие, то есть распознаваемые единства, соединяющиеся от случая к случаю с другими означающими, чтобы стать носителями сконденсированного в них желания. Это отправная точка Лакана: «Важность означающего в экономии желания» (*id., p.143*). Именно означающие и то место, которое они занимают в общей структуре, определяют даже сами условия желания. Означающие и их сочленение создают нечто новое, называемое желанием: означающее выступает здесь образующим элементом, а желание, соответственно, возникает в качестве значения. Вся сложность на самом деле заключается в том, чтобы распознать желание на своем месте, а не подменить его воображаемым.

Подобная динамика является основой лечения. Лакан строит ее на фундаментальном положении, которое он перед этим продемонстрировал в феноменах остроумия: именно расположение означающих в речи вызывает удивление, создавая эффект остроумия. Примером может служить так называемое «спотыкание» (*id., p.145*). Благодаря спотыканию вводится «нечто новое» (*id., p.150*), говорит нам Лакан. Эта особенность возникает как находка. Налицо некий переход.

Здесь содержится основа для понимания того, как использовать означающие. Мы в своей практике изолируем их, извлекаем из оболочки, из капсулы понимания, чтобы сделать работающими, эффективными, т.е. вернуть им творческий потенциал. Сообщения предназначены не только для того, чтобы быть распознанными в Другом как гомогенные любому коду. Лакан подчеркивает творческую способность сообщения в следующем своем высказывании: сообщение отзывается в Другом и приводит нас в движение (*id., p.151*).

* Здесь и далее ссылки на страницы даны в соответствии с французскими изданиями, на которые ссылается автор.

Вспомним Эдипа и Оракула: «Ты есть тот, кто убьет своего отца и возляжет на ложе своей матери». Эдип будет играть по этой партитуре в своей жизни. Его отец также встречал Оракула: «Ты получишь сына, который тебя убьет и займет твое место на супружеском ложе с твоей же женой».

Таким образом, Лакан соединяет здесь творческую способность означающего с тем означающим, которое он выделил, изучая психозы, – «Имя Отца». «Имя Отца» – это имя данного отцу означающего. Зачем означающее «отец» награждать еще каким-то специфическим именем? Потому что существует уже такое наименование – «отец», – данное в культуре тому, кто возник исключительно из речи, поскольку отцами становятся только благодаря власти речи: отец – тот, кто себя таковым признал. «Отец» – это чистое наименование. Вот почему Лакан говорит об Имени Отца, отце символическом, как о мертвом отце.

В то же время он пишет об означающем как о глашатае закона: оно осуществляет закон для других означающих и заставляет их идти прямо, чтобы те не заблудились (работа означающего – репрезентировать субъект перед лицом других означающих).

И он противопоставляет мощный призыв закона, раздающийся в Другом и под эгидой этого Другого, – маленькой провокации остроумия, использующей не важно сколь малое означающее для создания чего-то нового.

Отец за работой

Но у Лакана есть высказывание, несколько умеряющее власть отцовского имени, где он замечает: «Необходимо не только обладать Именем Отца, но еще и уметь с ним обращаться» (*Lacan*, 1998, p.156).

Отец – не просто мэтр и властитель над другими означающими. Теперь он приобретает также ценность благодаря функциям собственного использования. Итак, посмотрим на отца за работой. Что же мы видим?

Прежде всего, бросается в глаза отцовская несостоятельность, и Лакан специально рассматривает эту тему на с.167-168. Катастрофа! Хотелось бы, чтобы он был нормативным в Эдиповом смысле, а ему едва удастся быть нормальным. Судя по всему, по поводу отца мы пребываем в заблуждении.

Но отец, о котором, в целом, идет здесь речь, – это отец-означающее, то есть Имя Отца. Именно оно и работает. Суть его работы – «метафора», «замещение». К этому и сводит Лакан вмешательство отца в Эдиповом комплексе, отмечая замену Желания Матери Именем Отца. Подобным образом Лакан резюмирует утверждение Фрейда о том, что отец накладывает на мать запрет. «Я утверждаю, что все вопросы, связанные со свойственными Эдипову комплексу тупиками, могут быть разрешены, если рассматривать вмешательство отца как замену одного означающего на другое означающее» (id. p.176).

Таким образом, в мире означающих Имя Отца, пришедшее на смену Желания Матери и приказавшее ему оставаться в тени, как раз и будет совершать подобную работу: репрезентировать субъекта и его желание.

Но как это понимать? Лакан объясняет: «Именно в этой конституированной предварительной символизацией области между ребенком и матерью и произойдет замещение отцом как означающим материнского места» (id., p.180). Чтобы это понять, нужно представить себе, вместе с Лаканом, два состояния символизации:

1) так называемая «предварительная символизация», которая обращена к матери и заставляет ребенка перейти от витальной зависимости к зависимости от Материнского Желания посредством свойственных матери качеств «присутствия» и «отсутствия». Это уже закон, но закон прихоти: данный процесс, конечно, вызывает к существованию нечто, находящееся по ту сторону матери, но еще, безусловно, подчиненное ее собственному закону прихоти, которому ребенок хочет уподобить свое существование;

ребенок □ мать фаллос

2) символическое и его закон, то есть то, что зависит не от биения жизни, но от именованного, «батареи» означающих, знаком чего является «Имя Отца», эмблема самого состояния означенности, эмблема Другой Вещи.

Существование символического, воплощенного Именем Отца как означающим, создает в означаемом абсолютное значение, называемое «кастрацией».

Термин «абсолютное значение» подразумевает отсутствие референта, отсутствие самой вещи. Есть только отношение «означающее / означаемое», гарантируемое разве лишь самим высказыванием и ничем другим. Это и есть Фаллос.

Такова операция, совершаемая и передаваемая Именем Отца, и которую отец, собственно, либо делает действенной, либо нет (неважно, будет ли при этом сам отец присутствующим, отсутствующим, несостоятельным, нормальным или ненормальным).

Прежде всего, необходимо понять, что замена, о которой говорилось выше, есть замена закона прихоти на закон символический. Благодаря этому речь уже больше не идет о том же самом фаллосе, в зависимости от того, находится ли он теперь вне матери или передается отцом.

Логика кастрации

Трем тактам Эдипа, выделяемым Лаканом в этот период своего преподавания, необходимо поставить в соответствие три «состояния фаллоса», что и явится логикой кастрации:

- 1) фаллос, находящийся в зависимости от матери и ее каприза;
- 2) фаллос, который, благодаря работе, совершенной над ним Именем Отца, приходит на место Материнского Желания;

3) фаллос, полученный от отца – для мальчика и годный к использованию – для девочки; теперь его можно искать там, где он действительно есть, и принять на подобающем ему месте. Вы обладаете фаллосом как обещанием, обещанием желания, обещанием, что ваше желание чего-то да стоит, «монета желания Другого». Но, заметим, это – обещание, которое дается без какой бы то ни было гарантии (*Versagung*).

В данном процессе, представленном на с.182-185 семинара, существует некая «опорная точка», как называет ее Лакан, где субъект обретает свою позицию. В пункте (2) ребенок либо принимает, либо не принимает тот факт, что мать могла бы быть лишена объекта своего желания.

Лакан настаивает на существовании момента, когда отец становится тем, кто лишает мать фаллоса, и когда ребенок отказывается быть на этом месте, ибо оно обесценивается. Ребенок соглашается, что фаллос не может быть только объектом желания матери, но и находится в состоянии зависимости от означающего.

Вот почему любое другое означающее способно выступить в качестве заместителя отца, как это, например, происходит с означающим «лошадь» в случае Маленького Ганса. Иными словами, фаллос переходит из воображаемого положения в положение означающего.

Мать начинает обладать фаллосом исключительно в качестве означающего своей нехватки, а не как воображаемым объектом своего желания. Таков итог кастрации материнского Другого.

Метафора Имени Отца переносит фаллос на подобающее ему место метонимического объекта в означаемом, то есть объекта, находящегося в обращении среди прочих значений существования, – «всегда прячущегося» (*id.*, p.231), «всегда скрытого» (p.240).

Он совершает переход от объекта, хотя и находящегося вне матери, но, тем не менее, с ней связанного, к объекту, который пребывает в обращении, открывая субъекту мир значений.

Это отчетливо проявляется, когда ребенок становится открытым разнообразным знаниям и объекты мира начинают сиять благодаря присутствию фаллоса (что называется интересом). Фаллос здесь также может быть определен как означающее нехватки.

Если в пункте (2) отец выступает как Имя Отца, то в пункте (3) он приступает к делу с помощью своих собственных знаков отличия, черт, которые будут служить процессу идентификации субъекта, построению его Идеала Я.

Идеал Я является результатом «расчленения» отца: его основу составляет то, что оставалось от отца всякий раз, когда он пытался осуществлять свою функцию передачи.

Но это также и момент, когда отец производит вмешательство, будучи потентным, представая во всем своем могуществе перед лицом матери, или,

как говорит Лакан, «он доказывает, что таковым является». Здесь отец – мужчина, способный выдержать сражение с женщиной, а при случае и с несколькими из них.

Таким образом, по выходе из Эдипа, субъект становится носителем печати означающего, которая очеловечивает его желание, и которая указывает, что закон желания предполагает для этого желания необходимость пройти чередой высказывания.

Эта метка, лежащая на печати означающего и указующая на фаллос, воплощается для каждого субъекта в форме знаков отличия Идеала – идентификаций, обнаруживаемых субъектом в ходе анализа. Упомянем мимоходом еще один путь, который открывается подобно проселочной дороге, отходящей от основного шоссе, – путь мазохистический, состоящий в попытке вернуть себе наслаждение в воображаемой форме избиения.

Эти три такта Эдипа, выстраиваемые Лаканом в ходе упоминавшихся глав, вовсе не составляют теорию развития, но определяют политику психоаналитического действия. Психоанализ не является практикой речи, которая была бы нацелена на развертывание воображаемых решений, создаваемых субъектом и приводящих его к обсессивному окаменению, воображаемому безумству истерика или преградам фобии. Аналитическое лечение проявляет себя исключительно как операция изъятия, купюры, совершаемая над материалом, принесенным пациентом. Она изолирует означающее таковым, какое оно есть на самом деле, включая и его значение наслаждения. Для совершения этой операции психоанализ не создает отца, но он опирается на его функцию в речи и структуре.

Часть II. «Схватить желание за букву»*

Психоанализ строится на открытии: желание не является чистым, нет чистого желания. Чистое желание было бы желанием, соединенным с любовью, равным требованию любви, которое живет в каждом из нас. Таково стремление невротика, представляющее для него как некий идеал на горизонте запроса на анализ. Именно там симптом в большинстве случаев показывает основополагающую «диссоциацию» между желанием и любовью, представленную в учении Фрейда, если мы обратимся к текстам «Психологии любовной жизни», упоминаемым Лаканом в Семинаре V (р.327).

Желание не является чистым, оно всегда несет на себе сексуальную метку: именно в этом заключается открытие Фрейда. Сексуальная метка желания говорит о том, что человеческое существо не является хозяином собственного желания; напротив, желание само его отмечает, его разделяет, поскольку фактически с самого начала желание человека лишено всего присущего природе, оно никоим образом не является природным феноменом.

* Lacan J., «La direction de la cure», *Écrits*, Paris, Seuil, 1966.

Именно так я понимаю известную формулу Лакана: «Желание человека – это желание Другого». Имя этой сексуальной метки желания – «фаллос».

Анализ – это время, необходимое для того, чтобы проследовать по следам сексуальных меток желания, пройти вслед за желанием до самого его источника, который находится в Другом (*Lacan*, 1998, p.271), туда, где Другой устанавливает закон. Это – дорога, по которой мы следуем шаг за шагом, по камешкам, оставленным Мальчиком-с-Пальчик. Являясь означающими, «камешки» и создают ткань речи анализируемого. Очевидно, каждое из этих означающих уносит на подошве своих башмаков и соответствующий им груз означаемого, а именно ситуации, живые и неодушевленные объекты, то есть все то, что строит «мир» того, кто с нами говорит. Но построение этих означающих в цепочку и разнообразные, обнаруживающиеся в ней обрывы открывают говорящему значения, в которых фиксируется его судьба.

Эти значения открываются взору аналитика во время первых бесед. Но решающей для начала анализа будет как раз возникновение возможности сделать эти значения загадкой, а работа аналитика в том и заключается, чтобы заниматься измерением загадочного. Обращение значений, от которых субъект терпит поражение, поскольку ими обладает (в той же мере, в какой и наслаждается), в загадку позволяет появиться «значению» как таковому. Последнее находится «там, где оно что-то значит для тебя, тебя интересует», когда «от того, что тебя интересует, ты не станешь себя отсекать» или «ты не упустишь того, что тебе интересно».

Именно в подобном роде я понимаю такие выражения, как «значимость фаллоса» и «значение фаллоса». Они уместны, когда то, что говорится о тебе, не просто представляет интеллектуальный интерес, но означает нечто, затрагивающее истинность тебя самого как живого существа. Именование «фаллос» возникает, чтобы обозначить тот самый момент, когда в анализе появляется некое «абсолютное» значение.

Впрочем, Лакан замечает, что это название гомогенно той функции, которую фаллос как видимость играл в античных мистериях, будучи отъединен от тела мужчины, с тем, чтобы воплощать, даже самой своей неизменностью, свойство постоянного исчезновения, сохраняющееся и при его непосредственном появлении. Но психоанализ – это не религия фаллоса. Напротив, он ставит своей целью разрушить ту самую «религиозную» операцию, которой предан невротик: обсессивный – акцентируя воображаемую ригидность инструмента, а страдающий фобиями истерик – смещая свой интерес на момент его исчезновения и, тем самым, создавая для себя непреодолимую преграду.

Именно так я понимаю акцент, который Лакан в своем семинаре постоянно делает на перверсии как практике, открывающей для нас истинную функцию фаллоса. В самом деле, перверсия, с одной стороны, выявляет оз-

начающую ценность фаллоса как инструмента, но, с другой, демонстрирует и угрозу девальвации присущего фаллосу воображаемого наполнения, которой он постоянно подвергается.

В третьей части Семинара V Лакан снова рассмотрит два больших клинических следствия означенности фаллоса, о которой идет речь. С одной стороны, «ты несешь на себе метки того, в чем твое желание было заинтересовано», – в виде идентификации, «Идеала Я»; а, с другой стороны, там, где желание задействовано в настоящем, оно появляется под разными масками: масками требования, фантазии и симптома.

Поэтому сегодня я предлагаю и нам тоже последовать за «синей птицей», каковой является желание, вместе с Лаканом в качестве гида. Сказать, что Лакан будет нашим гидом, недостаточно, поскольку в этом семинаре он совершает акт творения, а именно «работу, производящую фаллос в категорию означающего» (id., p.268), подобно тому, как это делает комедия. Фактически, комедия учит нас тому, что желание и фаллос всегда предстают в замаскированном виде, что, однако, нисколько не умаляет их действия, а как раз напротив.

Прежде чем мы перейдем к комментарию двух основных выделенных в этой главе линий – Идеала Я и масок желания, – я хотел бы привести небольшую клиническую виньетку, основанную на материалах первой встречи. С ее помощью я надеюсь раскрыть значение трех следующих этапов: 1) выделение превалирующих означающих; 2) значения, которые из этого вытекают для субъекта; 3) вопрос желания, находящего, тем самым, свое место.

Случай

Запрос человека 35 лет четко сформулирован: он хочет избавиться от старого симптома, к которому до настоящего времени был приспособлен, но который мог бы затруднить его карьерный рост, казавшийся ему на момент обращения достаточно успешным, так же, впрочем, как и вся его жизнь в целом. Какой же это симптом? Он не может выступать публично. Сама мысль об этом тотчас вызывает в нем панику, и он ищет любой способ, позволяющий этой ситуации избежать, что постепенно становится все сложнее, поскольку он занимает важную должность в городской администрации, и мэрия часто делегирует его на различные административные собрания.

Первый период беседы сразу же покажет, как он представляет возникновение симптома, – в форме сцены, когда в возрасте девяти лет в музыкальной школе на занятии по сольфеджио его вызвали петь, и товарищи от души посмеялись над тем, как он фальшивил. Он почувствовал тогда интенсивное чувство стыда и сопутствующий ему телесный феномен – покраснение. Я удивляюсь тому, что именно чувство стыда было преобладающим,

сделав тем самым первое его значение загадочным, чтобы таким образом вектор вытесненного постыдного желания стал актуален.

Точно так же я с самого начала удивлюсь тому, что ни с кем из окружающих его взрослых он о постыдном эпизоде не поговорил. Благодаря моему удивлению становится очевидным факт, что он занял некую позицию по отношению к матери, которой всегда доставлял полное удовлетворение: не могло быть и речи о том, чтобы оказаться несостоятельным в ее глазах. Теперь в нашей беседе появится некое новое значение: предстать без недостатков в глазах Другого означает тайком его обманывать.

Именно это значение он воплотит в конкретных действиях в своем первом браке, будучи не в состоянии противостоять соблазну – обманывать свою горячо любимую жену.

Третье значение в ходе нашего разговора возникнет из смещения, которое я предложу в отношении его симптома. Вместо трудностей выступления на публике я акцентировал маневр избегания, к которому он прибег в подростковом возрасте, и который оказался решающим в выборе им своих дальнейших позиций. Лакан в Семинаре делает меткое замечание, называя фаллос «означающим-перекрестком» (id., p.287).

Случай этого пациента хорошо иллюстрирует, как на каждом перекрестке своего существования, когда его желание оказывается пробужденным требованием Другого, он пользуется собственным симптомом для того, чтобы найти ответ. Например, несмотря на то, что он добился блестящих успехов в изучении права и мог бы продолжать его изучение в Институте Политических Наук, он запретил себе это «из-за большого устного выступления, которым обучение завершается». Другими словами, была активирована фантазия – обманывать другого, чтобы его не разочаровать. В Древней Греции Гермес, бог торговли и воров, а впоследствии председательствующий в античных мистериях, которые во Франции справедливо называются «герметическими», был также и богом перекрестков.

Перекресток – это место, где необходимо принимать решение, причем, решение будет затрагивать ваше тело. Следовательно, речь идет о моменте, связанном с риском. Фаллос – указатель такого места и такого момента. Он является принципом, позволяющим субъекту отвечать на вопрос, который перед ним встает в форме «Чего ты хочешь?». Даже когда ответа нет, он позволяет все же субъекту ответить, преодолевая тревогу. Наш пациент показал, что трудность для невротика заключается в желании ответить на этот вопрос, используя решение, которое уже заранее лежит наготове в кармане.

На самом деле, выделенная им самим в качестве отправной точки своих трудностей сцена является моментом, когда, отвечая «как личность» в ходе небольшого испытания, он отвечает, используя уже выработанные им подле матери ориентиры, т.е. свое желание быть воображаемым фаллосом, удовлетворяющим Другого. Именно это скрытое желание вместе с насмешками

товарищей выходит здесь на поверхность и получает печать стыда, которая теперь занимает место печати фаллоса. Могла бы эта печать быть иной? Следуя указаниям Лакана, я думаю, что на этом месте мог бы возникнуть его собственный смех, вторящий смеху друзей и раскрывающий в комичности актуальной ситуации существующую по ту сторону комедию всякого желания идентифицироваться с фаллосом.

Так, находясь на каждом значимом для себя перекрестке, субъект представляется с помощью двух вещей: с одной стороны, это какое-то количество одеяний, аксессуаров, масок, «рыцарских снаряжений», в которые он рядится, чтобы этот перекресток преодолеть; а с другой – багаж: идентификаций, или, как говорил Лакан, «знаков отличия», которые претендуют на то, чтобы служить пропуском, символическими званиями (например, для упомянутого пациента это – «продвижение по карьерной лестнице», как для его отца-военнослужащего, который продвигался по службе). Всякий раз, когда мы хотим «схватить желание за букву», мы должны, следуя указаниям Лакана, данным им в статье «Направление лечения» («La direction de la cure»), распознать эту букву в самом анализанте, так же как и грамматику, благодаря которой она артикулируется.

Знаки отличия Идеала

Напомним, что следующий шаг, который Лакан делает в этом семинаре, состоит в смещении статуса фаллоса от воображаемого – к символическому и в превращении его в означающее желаний. Это является открытием, приводящим к существенным сдвигам в подходе к внушительному числу понятий, находящихся в самом сердце аналитического опыта.

Воображаемый статус фаллоса утвердился в центре аналитической теории, отправляясь от двух оснований: текстов Фрейда «Детская генитальная организация» и «Закат Эдипова комплекса», где он развивает положение о «примате фаллоса» для обоих полов, и, затем, статьи «Некоторые психологические следствия анатомической разницы полов», где фаллос представлен уже как некая воображаемая конструкция, исходящая из присутствия и отсутствия пениса. Под «фаллическим» здесь понимается нечто совершенно иное, нежели связанное исключительно с пенисом («*pénien*»). Оно приобретает смысл воображаемого числа, поскольку это некий «орган», объединяющий пенис и отсутствие пениса. И как раз этот воображаемый фаллический орган, являясь органом «вне тела», будет служить «различению» мальчиков и девочек. С другой стороны, существует точка зрения Мелани Кляйн, которая рассматривала фаллос в рамках воображаемых фантазий, строящихся вокруг тела матери, в частности, фантазий кастрации.

Позже Лакан вновь возвращается к чтению Фрейда, напоминая, что примат фаллоса и кастрация всегда взаимосвязаны. Когда Фрейд утверждает, что «для обоих полов только один орган имеет значение – это мужской по-

ловой орган», и что «не стоит более говорить о примате генитального, но о примате фаллоса», Лакан предлагает нам рассматривать оба высказывания вместе как факт, что оба пола имеют дело со значением кастрации. Лакан определяет значение кастрации, утверждая, что желание достижимо лишь при условии «отсечения от себя чего-то, через недостаток чего все будет приобретать ценность» (id., p.273).

В этом состоит вся важность вопроса «женского Эдипа», согласно Лакану. Он стремится показать, что для девочки значимое, равно как и желанное, точно так же всегда отмечено нехваткой того самого воображаемого объекта, который носит название «фаллос». То новое, что в этот вопрос привносит Лакан, заключается в понимании «кастрации» как операции означивания (чего стоит мое желание), а не просто как фантазма. Это в корне изменяет сам статус фаллоса, который, будучи в начале этой операции *воображаемым органом*, становится *символическим инструментом*, означающим суть понятия кастрации.

Логика мысли Лакана, которой он следует по ходу своего Семинара, в точности соответствует маршруту, по которому, вне зависимости от пола, нужно идти, чтобы освободиться от Эдипа. Имеется в виду не столько некая модель нормального развития, сколько путь, который может быть пройден в ходе аналитического лечения. Для мальчика речь идет о том, чтобы от воображаемого «иметь» перейти к «иметь» символическому. И для этого ему необходимо утратить как тот самый воображаемый объект, каким является воображаемый фаллос, так и использование наслаждения, которое он из него извлекает рядом с матерью (игры в «приманку»), то есть пройти через означивание кастрации и получить фаллос в качестве символического звания.

Для девочки переход будет иным, поскольку речь идет о том, чтобы перейти от воображаемого недостатка – к недостатку символическому, то есть от некоего воображаемого «не иметь» – к «не иметь символическому». Этот сложный переход наполнен всевозможными ловушками. Первая из них – отказ от значения кастрации: не признавать этот свой воображаемый недостаток (первое *Penisneid*)*. Вторая – истолковывать свой воображаемый недостаток как реальный, что имеет значение фрустрации (второе *Penisneid*). Третья – столкнуться с недостатком символическим, то есть с недостатком того, что требовалось, другими словами, столкнуться со значением лишения и не остаться на нем фиксированной (третье *Penisneid*) (id., pp.276-277).

Клинический интерес этой части семинара связан с тем, чтобы соотнести упомянутый переход фаллоса от воображаемого к символическому – с построением некоего «нового» субъекта, «снабженного Идеалом Я» (id., p.288).

* *Penisneid* – нем., термин Фрейда, традиционно переводится как «зависть к пенису» (Прим. пер.).

Ситуация девочки здесь освещена специально, и мы можем составить себе представление о проистекающих из этого клинических феноменах, заключающихся в том, что «то, что было любовью (к отцу), трансформировалось в идентификацию», «идентификацию, которая связана с этим самым моментом лишения» (id., p.293). Лакан замечает, что субъект «наряжается в эти отцовские знаки отличия». «Желание, которое теперь задействовано, – уже не прежнее желание» (id., p.294), «желание подверглось замещению»: облачиться в отцовскую характерную черту, некий присущий ему знак отличия, теперь позволяет субъекту желать, как отец.

Я ожидаю что-то от отца, а он мне этого не дает, значит, мне не хватает этой самой вещи как того, что мне не было дано, следовательно, теперь мне не хватает чего-то символического; тогда эту самую символическую вещь, которой мне не хватает, которой я лишен, это «лишение желания», я замечаю той символической чертой, которой мне не достает, которую я выделил у того, от кого с таким нетерпением ожидал дара, и, имея эту черту, я отныне желаю свои первые объекты желания, как желает их он. Таким образом, это некий процесс метафоризации, позволяющий субъекту преодолеть свою зависимость от материнского объекта, не отрекаясь при этом от специфики собственного пола, поскольку сам процесс опирается на ансамбль развития эдиповой диалектики.

В клинике Лакан особо выделяет последствия так называемого «запрета наслаждения». Когда речь заходит о чем-то, находящемся вне всего, возможно уже означенного, «субъект в своей живой реальности тогда находится в позиции исключения любого возможного значения» (id., p.300). И для него такой, отбрасывающий все, запрет противостоит возможности сделать «живую реальность» (наслаждение) означенной под фаллическим значением, позволяющим субъекту желать идентифицироваться, отдавать предпочтение чертам, с которыми можно себя идентифицировать, в том числе и примитивным объектам своего желания. Это и означает произвести обработку значением фаллоса как «измельчителем».

Именно это положение Лакан раскроет далее в главе «Маски симптома» в виде разницы между Сверх-Я как запрещением и Идеалом Я как «трансформацией желания, всегда связанного с какой-то маской» (id., p.333).

Метка желания

Метка желания есть печать означающего, которое отрицает наслаждение. Фаллос – символ этой операции, всегда скрытый под покровом. Однако такая печать имеет в распоряжении и другие символы и инструменты. Самый важный из них – хлыст. Хлыст и туфелька фетишиста – два анахронических объекта, проходящих через весь семинар, следуя коридором, параллельным тому, по которому следует фаллос! Их присутствие призвано обратить наше

внимание на то, что наслаждению не отказано целиком и полностью, и что есть «наслаждение желанием», как указывает Лакан.

Своеобразие этого утверждения заключается в том, что оно влечет за собой, в качестве контрапунктов чертам Идеала, так называемые «черты перверсии», – то, на чем желание субъекта может кристаллизоваться, чем желание может быть пленено, и что создает некое хранилище мелкого старого хлама: более или менее расчлененных образов, самодельных сценариев.

Все это призвано показать то, о чем Лакан здесь пока не говорит: провал фаллоса в его претензии быть означающим всего живого, а также тот факт, что означающая материя не представляет всю живую материю. Именно из этого вытекает, что желание не является чистым желанием, но будет, по выражению Лакана, «желанием, которое в основе своей отмечено и извращено» (id., p.311).

Первертные фантазматические сценарии вызывают у Лакана интерес, поскольку, во-первых, благодаря им становится понятным вторичное измерение объекта желания как предопределенного образа, а также, во-вторых, первичное измерение означающего как инструмента наряду с применением этого инструмента к образу, которое акцентирует момент преодоления, создающего извращенную по своему характеру поддержку искомого удовлетворения.

Все это привлекает внимание Лакана, поскольку данный двойной процесс – в каком-то смысле процесс водворения означающего в поле Другого, переход от образа к означающему. Лакан здесь предлагает термин *Aufhebung* – «появление». О чем же идет речь? А о том, чтобы напомнить, что появление означающего как такового, в том виде, в каком он представляет ценность для субъекта, является неким событием преодоления, внезапного вторжения.

Именно это и обозначает фаллос: он всегда прикрыт, потому что, проявившись, – тотчас исчезает. Теперь означающее кажется прочно установленным, во вполне уютном месте, на своем месте – в Другом. Но осталось не замеченным, как, установив означающее на этом месте, фаллос одновременно пометил его своей печатью – перечеркивающей чертой, свидетельствующей фактически, говорит нам Лакан, что это означающее становится «подлежащим подмене» (id., p.345).

В некотором смысле, существует своего рода «маскарад означающих», то, что Лакан впоследствии назовет «видимостями». Можно подумать, что Другой означающих, Другой речи и языка представляет собой сущность особо прочную, плотную. Но, начиная с того момента, когда он предоставляет убежище желанию и его объектам, то есть пропускает их к означающему, – начиная с этого момента, когда он включает фаллос в качестве означающего желания, – Другой «меняет свою природу», тем самым он вводит в себя «новое», утверждает Лакан, и сам предстает отмеченным пере-

черкивающей чертой, кастрированным и желающим. Это тот момент в анализе, когда субъект, порой со страхом, воспринимает появление некоего особого означающего в поле своего Другого, когда он может, в свою очередь, задать вопрос желанию своего отца или матери и задать вопрос о собственной позиции, занятой в отношении этого желания, на которое брошен пока лишь беглый взгляд.

Первертный же фантазм является попыткой вновь вырвать эту метку желания у Другого, усилить ее, чтобы ею насладиться. Но данная попытка всегда принимает совершенно иной оборот: поскольку, в первую очередь, имеет значение восстановление недостатка у Другого, несомненным является факт, что Другой может вдруг сам предстать субъектом этого желания.

Июль 2003, Париж

© *Перевод М.Страхова, Н.Челышевой (2003)*

ЛИТЕРАТУРА

Фрейд З. «Я и Оно». Тбилиси, «Меридиан», 1991.

Lacan J. Le séminaire, Livre V, Les formations de l'inconscient. Paris, Seuil, 1998.

Lacan J. «La direction de la cure», Écrits. Paris, Seuil, 1966.